

МЕДИЦИНА И **П**РАВО

А. А. Мохов

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ
В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РОССИИ

Медицина и право

Александр Мохов

**Теория и практика
использования медицинских
знаний в гражданском
судопроизводстве России**

«Юридический центр»

2003

УДК 340.6
ББК 67.5

Мохов А. А.

Теория и практика использования медицинских знаний в гражданском судопроизводстве России / А. А. Мохов — «Юридический центр», 2003 — (Медицина и право)

Работа посвящена комплексному исследованию теоретических и прикладных вопросов использования медицинских знаний в гражданском судопроизводстве России. Рассматриваются вопросы взаимного влияния достижений медицинской науки, экспертной практики и техники на российское право и науку гражданского процессуального права России. Раскрывается современное представление о такой форме использования специальных знаний сведущих лиц, как судебная медицинская экспертиза. Книга предназначена для практических работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших юридических и медицинских учебных заведений, а также всех интересующихся вопросами использования специальных знаний в деятельности юрисдикционных органов Российской Федерации.

УДК 340.6
ББК 67.5

© Мохов А. А., 2003
© Юридический центр, 2003

Содержание

Введение	6
Глава 1. Медицинские знания в гражданском судопроизводстве России	13
1.1. История использования медицинских знаний в гражданском судопроизводстве	13
1.2. Понятие и сущность медицинских знаний в гражданском судопроизводстве	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Мохов
Теория и практика использования
медицинских знаний в гражданском
судопроизводстве России

© А. А. Мохов, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Рецензенты:

П. М. Филиппов, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии государственной службы при Президенте РФ, заслуженный юрист РФ;

А. П. Анисимов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Волгоградского филиала Московского университета потребительской кооперации

Введение

Усложнение социальной реальности ставит человека перед лицом проблем, которые во многом являются несопоставимыми с недавним прошлым. Личность, отдельные группы, юрисдикционные органы и государство в целом сталкиваются с необходимостью сделать выбор в условиях дефицита информации, времени, а в ряде случаев – и при отсутствии опыта, взять на себя ответственность, проявить компетентность и профессионализм. Еще никогда человек и человечество не становились настолько проблематичными для себя, как в настоящее время. В связи с этим требуется мобилизация всего духовного, нравственного и психологического потенциала цивилизации в меняющемся бытии. Немаловажную роль в решении данных проблем призваны сыграть достижения науки и техники.

Локомотивом современного развития естественных и технических наук является их всевозрастающая и укрепляющаяся интеграция, онтологическое и гносеологическое взаимодействие, в результате которых возникают новые научные направления – биофизика, биохимия, кибернетическая медицина и многие другие. Такой симбиоз дает хороший эффект, позволяет разрабатывать темы, которые ранее либо никем не исследовались, либо рассматривались поверхностно.

В общественных и гуманитарных науках дело обстоит куда хуже. Здесь зачастую отсутствует сколько-нибудь устойчивый союз не только с естественными и техническими науками, но даже между отдельными отраслями права и родственными отраслями научного знания – правом, философией, социологией, политологией, экономикой и другими. Данное состояние характерно и для зарубежной науки. По этому поводу Э. Гуссерль, в частности, замечает: «Европейские нации больны, говорят нам, сама Европа в кризисе. Мы прямо-таки тонем в потоке наивных и экзальтированных реформаторских идей. Но почему столь высокоразвитые науки о духе пасуют перед тем, что успешно осуществляют в своей сфере науки естественные?»¹.

Привычно игнорируя положение о том, что человек со всеми производными ничуть не менее естественный элемент природы, чем любой иной объект, продолжает жизнь довольно жесткая дифференциация гуманитарных и естественных наук и их методов, с неоправданным неприятием последних. В результате современная юридическая наука оказывается современной во временном, а не в содержательном смысле. Успехи, приходящие в другие науки, незамедлительно обходят стороной юриспруденцию.

Отрадно отметить, что ситуация в последние годы меняется к лучшему. К началу XXI в. в научно-юридическом сообществе появились удовлетворительные условия для проведения исследований, основанных на принципиально отличных от традиционных методологических положениях: преодолен жесткий идеологический консерватизм; сформирован концептуальный плюрализм; изменен уровень толерантности к различным гипотезам, версиям и иным компонентам; наметился отказ от проповедования «философии крайностей». Стали появляться отдельные исследования по таким комплексным направлениям, как правовая кибернетика, криминология, юридическая психология, конфликтология, биоэтика, социология медицины, медицинское право и др. В современном отечественном правоведении активно развивается так называемый *интеграционный подход* к праву². Своеобразными альфой и омегой интеграционного подхода выступают юридический позитивизм и естественно-правовая доктрина. Сближение, органическое переплетение и взаимное дополнение этих некогда непримиримых правовых концепций, выражаются, как заметил И. Ю. Козлихин, в процессе «конвергенции

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101.

² Лейст О. Э. Три концепции права // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 3–11.

юридического позитивизма и теорий естественного права»³. В Российской Федерации эти процессы только набирают силу.

Важно заметить, что данная связь должна быть органичной, не ограничиваться только собственно наукой, а своевременно проникать как в образовательный процесс, так и в повседневную практику. Как правильно заметила Н. И. Побежимова, «сегодня нам уже нельзя замыкаться в рамках юриспруденции, мы должны контактировать с экономистами, социологами, психологами, развивать междисциплинарные связи. Составляя учебные планы, программы, стандарты, необходимо, чтобы эта связь была четко зафиксирована»⁴.

Соотношение, взаимодействие и интеграция наук обусловлены не только логикой и тенденциями развития самой науки, но и запросами практики⁵, ставящими перед наукой такие задачи, которые не в состоянии решить порознь любая отрасль знания. Никогда прежде мир не был таким сложным для понимания, как сегодня. В связи с этим, ответственность мыслителей, политиков, социологов, юристов, медиков за формирование общественного сознания, распространение и воплощение в жизнь идеалов истины и справедливости неуклонно возрастает.

Фундаментальная и прикладная науки и достижения в своем интегрирующем качестве накладывают своеобразный отпечаток не только на конкретную историческую эпоху, но и на человека, принадлежащего к данной эпохе и данному обществу.

О глобальных проблемах человечества, их политических и экономических аспектах нет необходимости говорить особо: они очевидны и постоянно находятся в центре внимания государства, общества и ученых. С проблемами «повседневности» дело обстоит иначе. Потребности конкретной личности, ее образ жизни и правовой статус, социальная политика рассматривались ранее, главным образом, через призму классовой борьбы, примат интересов государства и общества. В настоящее время им просто не уделяется должного внимания. Такое отношение раскрывает невозможность самосохранения и самоопределения цивилизованного человека. Кажущаяся «вторичность» локального уровня и его должного правового регулирования уже не раз была причиной социально-политических конфликтов: мелкие неурядицы вырастали до масштаба государственных проблем; принятые законы оказывались неработающими или приводили к парадоксальным результатам, требовавшим немедленного вмешательства государства в лице его отдельных институтов. Несоответствие государственных решений потребностям конкретных людей, требованиям здравого смысла, тенденциям развития тех или иных общественных отношений порождают «обесчеловеченную» среду обитания. Но для того чтобы правовая норма была эффективной, она должна «превратиться в элемент правосознания»⁶.

Задача законодателя – обеспечить такое законодательство, которое на данный момент наиболее соответствует состоянию общественных отношений и потребностям их дальнейшего развития, хотя добиться этого весьма непросто.

Первая трудность здесь видится в несовпадении интересов различных общественных групп, которые прямо или косвенно оказывают давление на законодательные органы, лоббируя удовлетворение своих потребностей.

Вторая трудность – динамизм правоотношений в отдельной сфере общественного бытия, затрудняющий своевременную и адекватную реакцию законодателя. Нередко появляется соблазн новое, неведомое, просто запретить. Иногда создание соответствующей юридической базы просто задерживается на многие годы. Так, особую значимость в связи с достижениями

³ Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5.

⁴ Побежимова Н. И. Проблемы развития юридического образования на современном этапе // Пути развития юридической науки и образования в XXI веке: Сборник статей научно-практической конференции 25–26 октября 2001 г. – Волгоград, 2002. – С. 20.

⁵ Керимов Д. А. Социология и правоведение // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 84.

⁶ Боботов С. В. Проблемы личности и права в освещении буржуазных исследователей // Социология права. Вып. 1. – Вильнюс, 1970. – С. 241.

медицины и биологии в современных условиях принимают такие правовые и этические проблемы общественного бытия, как: право на жизнь и право на смерть, право на репродуктивный выбор, вопросы трансплантации органов и тканей человека и животных, клонирования, биомедицинского экспериментирования и др.

Наличие отдельных нормативных актов, призванных урегулировать те или иные общественные отношения в важнейших сферах деятельности, нельзя признать решением проблемы, так как даже точное соответствие нормативной базы состоянию общества следует признать недостаточным. Обусловлен данный тезис следующим: только в случае нацеленности законодательства на перспективу может реализовываться творческий потенциал правосознания. Здесь необходимо опережение, т. е. такая связь правосознания с общественным бытием, при которой «происходит отражение не только данного состояния общества, но и тенденций его развития под углом зрения перспективы правового регулирования общественных отношений»⁷. Поэтому суды в современных условиях вынуждены «творить право»⁸.

Одним из достижений цивилизации является признание прав и законных интересов личности, политика самоограничения государственного вмешательства в дела индивида, провозглашение принципа равенства государства и личности. Центральным звеном правовой системы становится индивид, наделенный правами и свободами человека. Необходимость защиты этих прав и свобод, по меткому выражению П. В. Анисимова, «выражает смысл существования и функционирования демократических правовой и политической систем общества»⁹. Не случайно со второй половины XX в. в мире чрезвычайно остро стал вопрос о реформировании национальных правовых систем, законодательства, юстиции. Общим для всех стран является стремление усилить в области юстиции защиту основных прав и свобод человека, однако пути к этому нередко видятся по-разному, в зависимости от вкусов и предпочтений политиков, правоведов и законодателя. Некоторые государства пытаются решить эту проблему за счет импорта процессуальных форм, среди которых особой популярностью пользуется английский тип судопроизводства, другие развивают собственные традиции континентального права в свете новых реалий и потребностей. Научное решение этого вопроса требует учета закономерностей общечивилизационного и национального путей развития гражданского судопроизводства. Наше теоретическое правосознание, так же, как и правовой дух, сохраняет многие идеологические, психологические и собственно юридические «отметины» прошлого, что также нельзя не учитывать в повседневной действительности.

Реализация декларируемых международными и национально-правовыми актами прав, свобод и интересов гражданами различных государств, на всех этапах развития человечества была актуальна и сложна и остается таковой в настоящее время и обозримом будущем. Дистанция между закрепляемыми правопредписаниями, правами и свободами и возможностью ими реально воспользоваться, слишком велика. Причин такого состояния множество. Главной из них является отсутствие общей концепции защиты прав и законных интересов граждан, продуманной экономически, просчитанной социально и обеспеченной должными усилиями властей. Немаловажными в решении имеющихся целей и задач представляются также разработка, своевременное внедрение и эффективное функционирование норм ряда правовых институтов и их составляющих.

⁷ Чефранов В. А. Философские проблемы правосознания: Автореф. дис... докт. филос. наук. – Харьков, 1983. – С. 21.

⁸ Иванов С. А. Судебные постановления как источник трудового права // Судебная практика как источник права. – М., 1997; Витрук Н. В. Конституционный Суд Российской Федерации и законотворчество // Современное состояние российского законодательства и его систематизация. – Москва; Тула, 1999; Смирное Л. В. Деятельность судов Российской Федерации как источник права // Журнал российского права. – 2001. – № 3, и др.

⁹ Анисимов П. В. Проблема правопонимания в теории права и прав человека // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. – Волгоград, 2001. – С. 162.

В России продолжается судебная реформа. Процессуальное законодательство России находится в стадии реформирования. Цель реформы судостроительства и судопроизводства – надлежащая защита субъективных прав и охраняемых законом интересов граждан в соответствии с определенной законом компетенцией. Основными задачами судебной реформы являются, во-первых, обеспечение доступности правосудия и, во-вторых, повышение его качества¹⁰.

Конституция России провозгласила гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (п. 1 ст. 46 Конституции РФ). В большинстве законов, принятых после введения в действие Конституции РФ, закреплено право на судебную защиту. При этом меняются некоторые традиционные средства и процессуальные способы достижения цели. Для современного периода развития процессуального права и его теории характерно изменение взглядов на сущность и содержание принципов состязательности и диспозитивности в гражданском процессе и их нормативного закрепления.

Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел, укрепление законности и правопорядка. Их решение во многом связано с более широким использованием в судебной практике достижений научно-технического процесса.

Одним из таких направлений является более эффективное и полное использование судом (судьей) и другими участниками процесса достижений науки и техники при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Обладая специальными знаниями, эксперты и специалисты способны внести неоценимый вклад в деятельность суда по установлению обстоятельств гражданских дел. Так, в последние годы получили распространение многие классы, роды и виды судебных и несудебных экспертиз: психологическая, бухгалтерская, экологическая, медицинская и другие, что свидетельствует о неуклонном расширении возможностей использования достижений науки и техники для целей правосудия. Наглядный пример – нормы нового Семейного кодекса РФ, регулирующие судебное установление отцовства.

В 2001 г. был принят Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», содержащий целый ряд норм, регламентирующих организационно-правовые вопросы производства судебных экспертиз, а в 2002 г. приняты новые ГПК РФ и АПК РФ, регламентирующие деятельность сведущих лиц (экспертов и специалистов).

Таким образом, происходящие изменения в социально-политической и правовой сферах российского общества, действующем законодательстве, науке и технике свидетельствуют о несомненной актуальности темы настоящего исследования.

В гражданском процессе анализу проблем и доказательственных возможностей отдельных форм применения специальных знаний посвящены немногочисленные работы. Первой и долгое время единственной работой, посвященной судебной экспертизе в гражданском процессе, оставалась монография Т. А. Лилуашвили «Экспертиза в советском гражданском процессе» (Тбилиси, 1967). На рубеже веков были опубликованы работы, в которых уделялось внимание исследуемым вопросам: монографии М. К. Треушникова «Судебные доказательства» (Москва, 1997, 1999), И. В. Решетниковой «Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве» (Москва, 2000), П. М. Филиппова и А. А. Мохова «Судебно-медицинская экспертиза по гражданским делам: теория и практика» (Краснодар, 2001), учебное пособие Т. В. Сахновой «Экспертиза в суде по гражданским делам» (Москва, 1997) и другие. Можно отметить также отдельные диссертации, посвященные проблемам производства судебных экспертиз в гражданском процессе: Ю. М. Жуков (Москва, 1965), Т. В. Сахнова (Москва, 1998), А. А. Мохов (Волгоград, 2000) и другие.

¹⁰ Яковлев В. На очереди – обеспечение доступности и повышение качества правосудия // Российская юстиция. – 2001. – № 11. – С. 10.

Основные положения этих разработок с успехом применяются и в теории гражданского процессуального права и в гражданском судопроизводстве России. Несмотря на это, собственно специальные знания сведущих лиц с точки зрения основополагающих понятий, их места и роли в гражданском процессе, соотношения с иными социально-правовыми явлениями, присущими отраслевой науке, остаются в значительной степени «terra incognita» процессуального права. Кажущаяся очевидность некоторых из возможных ответов на поставленные теорией и практикой вопросы может сыграть с исследователем злую шутку, толкая его на путь наименьшего сопротивления, заключающийся либо в легковесном комментировании отдельных статей процессуальных кодексов России (ГПК, АПК, УПК) и Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», либо в механическом описании отдельных действий, совершаемых экспертом. Ни в том, ни в другом случае исследователь, как правило, не в состоянии понять подлинный смысл института сведущих лиц в гражданском процессе, а также имеющихся тенденций его развития.

Отмечая высокий теоретический уровень и практическую значимость работ, затрагивающих отдельные стороны исследуемой проблемы, следует признать, что некоторые их положения потеряли свою актуальность или требуют дальнейшего развития. Во многих работах, как правило, анализировались отдельные аспекты использования специальных знаний, главным образом, связанные с производством экспертиз. Произошли также значительные изменения в действующем российском законодательстве, регламентирующем рассматриваемые правоотношения.

Немаловажным представляется и тот факт, что исследование проблем использования специальных знаний выходит за рамки собственно гражданского процессуального права, поскольку специальные знания применяются во всех видах судопроизводства, а институт сведущих лиц является межотраслевым. Кроме того, поскольку сведущие лица (эксперты и специалисты) являются одновременно субъектами множества правоотношений, регулируемых различными отраслями права (как процессуального, так и материального) и связанных с осуществлением ими специфичных функций, то проблемы использования специальных знаний не могут корениться исключительно в процессуальных отраслях права. Поэтому и решение искомых проблем следует искать на стыке различных отраслей права, а также других научных направлений и дисциплин.

Следует отметить, что сложившиеся стереотипы на порядок использования специальных знаний и их сущность, на наш взгляд, ведут к тому, что сведущие лица (эксперты, специалисты) продолжают рассматриваться в качестве факультативных участников процесса. На практике это ведет к нерегулярному и неэффективному использованию их знаний и навыков в доказательственном процессе.

Процесс использования специальных знаний в ходе отправления правосудия по гражданским делам во многом также зависит от правильной организации судьей взаимодействия участников процесса со сведущими лицами. Учитывая данное обстоятельство, необходимо дальнейшее совершенствование процессуальных и тактических аспектов использования знаний и навыков сведущих лиц в процессе установления обстоятельств гражданских дел, исследования и оценки доказательственной информации по делу.

Вышеизложенное определило актуальность исследования проблем использования специальных знаний в гражданском судопроизводстве России.

Следует заметить, что решение поставленной проблемы с учетом необходимости анализа норм различных отраслей процессуального и материального права, данных специальных дисциплин, представляет собой непосильную задачу для любого исследователя. В связи с этим необходимо определить ориентиры, контуры, цель и непосредственные задачи исследования.

Все чаще в судебной практике по гражданским делам используют знания в области медицины, или знания «о человеке». Связано это с прогрессом медицинской и биологической

науки, дальнейшим усложнением общественных отношений и появлением в нормах права объективных критериев, позволяющих использовать специальные знания в доказательственном процессе.

Сегодня трудно себе представить сферу человеческой деятельности, где бы не применялись медицинские знания: наука во всем ее многообразии, космос, спорт, искусство и другие сферы. Следовательно, возможны и споры, конфликты, требующие разрешения, в том числе и в судебном порядке.

Все больше и больше становится видов профессиональной деятельности, непременным условием осуществления которых является определенный уровень психофизиологических качеств претендента¹¹. Отказ в принятии на работу (службу), увольнение по инициативе работодателя в связи с несоответствием работника занимаемой должности или выполняемой работе, вследствие состояния здоровья, в соответствии с медицинским заключением¹², также являются причиной обращения граждан в суды за судебной защитой.

Рассмотрение судами большинства дел о возмещении вреда, причиненного здоровью граждан, об установлении происхождения детей, отдельных дел неискового производства также немыслимо без использования медицинских знаний.

Поэтому в качестве «модели» настоящего исследования нами избраны медицинские знания как разновидность специальных знаний.

Данный выбор обусловлен следующими факторами:

1) в нормах материального права появляется все больше медицинских элементов, позволяющих использовать медицинские знания для установления фактических обстоятельств того или иного гражданского дела; такие элементы содержит и процессуальное законодательство России;

2) использование медицинских знаний для целей гражданского судопроизводства вызывает сложности как теоретического, так и практического характера; при использовании медицинских знаний нередко встречаются ошибки, влияющие на обоснованность и законность выносимых судебных постановлений;

3) встречаются сложности как теоретического, так и прикладного характера и применительно к производству медицинских экспертиз по гражданским делам, несмотря на определенную разработанность этой тематики.

Проблемам участия врача-специалиста в уголовном судопроизводстве посвящено несколько научных работ и отдельные публикации. Участие врача-специалиста в гражданском процессе вообще не являлось предметом самостоятельного исследования, несмотря на наличие такого рода потребности. Обусловлено данное положение различными причинами, в частности, некоторым отставанием гражданского процессуального законодательства от практических потребностей участников гражданского судопроизводства.

В работе судов необходимы серьезные качественные изменения, способствующие обеспечению быстрого, полного, объективного рассмотрения и разрешения каждого дела. Решение этой задачи во многом связано с более широким использованием в судебной практике достижений научно-технического прогресса, быстро увеличивающегося объема новых знаний о человеке. В этих условиях важно, чтобы в рамках процессуальной деятельности надлежащим образом использовать все возможности медицинской (в том числе, биологической) науки и практики.

¹¹ Пункты «ж» и «з» ст. 19 ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О милиции"» от 31 марта 1999 г. № 68-ФЗ; ст. 16 ФЗ «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (с изм. от 30 декабря 1999 г., 7 ноября 2000 г., 30 декабря 2001 г.) от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ; ст. 12 Закона РФ «О федеральных органах налоговой полиции» (с изм. от 17 декабря 1995 г., 7 ноября 2000 г., 30 декабря 2001 г.) от 24 июня 1993 г. № 5238-1 и другие.

¹² Подпункт «а» п. 3 ст. 81 Трудового кодекса РФ.

Обладея специальными медицинскими знаниями, представляющими собой аккумуляцию для целей доказывания достижений медицины и биологии, врачи-эксперты и врачи-специалисты, обладающие знаниями в области медицины, способны внести значительный вклад в деятельность суда по исследованию обстоятельств конкретных дел, получению новых данных, оценке доказательств, следовательно, вынесению законных и обоснованных актов судебной власти.

Анализ доступной литературы показал, что обстоятельных работ, рассматривающих вопросы правовой регламентации, допустимости, пределов использования медицинских знаний в гражданском судопроизводстве России с учетом изменения норм процессуального и материального права до настоящего времени нет.

Отсутствие глубоких научных исследований вопросов использования медицинских знаний в российском гражданском процессуальном праве, выявление и анализ наиболее существенных проблем через призму задач и основополагающих принципов гражданского судопроизводства, доказательственного права, достижений медицинской науки и экспертной практики, позволяют автору с большей глубиной, последовательностью и обоснованностью рассмотреть предлагаемую тему. В то же время комплексность, многоплановость исследуемых проблем не позволяют охватить в предлагаемой работе все вопросы применения специальных медицинских знаний в гражданском процессе России.

В связи с отмеченным автор счел необходимым осуществить исследование наиболее значимых проблем общетеоретического и прикладного характера, предложить некоторые меры по совершенствованию данного института.

Глава 1. Медицинские знания в гражданском судопроизводстве России

1.1. История использования медицинских знаний в гражданском судопроизводстве

Для правильного понимания значения специальных знаний вообще и медицинских в частности, для целей правосудия в России и путей совершенствования механизма их использования важно знать прошлое: как этот институт возник, развивался, усовершенствовался. Речь идет о том, чтобы проследить путь развития использования медицинских знаний в судопроизводстве России, определить их назначение, приемлемость отдельных форм использования специальных знаний, их эволюцию, законодательные нормы об этом и их теоретическое обоснование. Такой экскурс позволит нам в дальнейшем ответить на ряд рассматриваемых и исследуемых вопросов.

Основы института доказательств и института сведущих лиц были заложены еще в Древнем Риме. Некоторые положения римского права перерабатывались и приспособлялись применительно к местным условиям, «хотя рецепции подвергалось не само римское право в чистом виде, а право, обработанное и исправленное позднейшими комментаторами»¹³.

В настоящее время существует три концепции, определяющие степень влияния римского права на развитие российского права: *концепция самостоятельного развития российского права* (С. М. Муромцев, Ф. Леонтович); *концепция полного заимствования российским правом римского* (К. Д. Карелин); *концепция «частичного заимствования российским правом отдельных институтов и понятий»*¹⁴ (Н. Рождественский, А. М. Гуляев, Н. А. Дювернуа).

Современная правовая наука придерживается третьей точки зрения, отмечая, что доминирующее влияние римское право оказало именно на гражданский и уголовный процесс. Наибольшему заимствованию подвергся институт доказывания.

Так, Устав 1864 г. воспринял римское деление письменных доказательств на публичные и частные. Получило в этот период законодательное закрепление существовавшее в Риме право рассматривать торговые книги в качестве письменных доказательств¹⁵.

В дальнейшем, в условиях, созданных социалистической революцией, структура права претерпела принципиальные изменения: исчезло деление права на частное и публичное, изменилась немалая часть правовых конструкций и понятий. Так, В. П. Морозов писал: «Советское право как юридическое учреждение... в принципе не знает преемственности... О преемственности в советском праве можно говорить лишь в очень ограниченных рамках, причем в начальный период существования Советской власти»¹⁶.

В настоящее время российская правовая наука использует целый ряд принципов, положений и понятий в новейших законодательных актах. Примером являются нормы нового Гражданского кодекса России, а также последующие изменения и дополнения, вводимые в процессуальное законодательство в 1997–2003 гг. (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ).

По свидетельству Е. А. Суханова, «реформирование гражданского законодательства, вызванное переходом к рыночной экономике, вновь подтвердило как значение многих фун-

¹³ Косарев А. И. Римское право. – М., 1986. – С. 128.

¹⁴ Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс. – М., 1997. – С. 16.

¹⁵ Мальшев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. – СПб., 1876. – С. 301–306.

¹⁶ Морозов В. П. Правовые взгляды и учреждения при социализме. – М., 1967. – С. 3.

даментальных понятий и принципов правового регулирования, тщательно разработанных и опробованных еще в римском праве, так и необходимость их использования в законотворческой правоприменительной практике»¹⁷.

Рассмотрим основные вехи развития института сведущих лиц или использования специальных знаний для целей правосудия.

Остановимся на рассмотрении института доказательств в римском праве. Так, упоминания о том, что ответчик должен доказать факты, на которых он основывает свои возражения, имеются у Марциана, Цельса, Ульпиана. Однако в литературе, посвященной римскому праву, нет единого мнения относительно средств доказывания в римском гражданском процессе. У большинства исследователей к *средствам доказывания* относятся: признание, свидетельские показания, присяга, письменные документы и заключения экспертов. Однако эксперты (сведущие люди) редко вызывались в суд для дачи заключений. Причиной этому было разделение судопроизводства на две стадии, что позволяло сторонам договориться между собой в выборе судьи, удовлетворяющего одновременно и качествам сведущего лица.

Медицинская наука в этот период бурно развивалась, что нашло отражение как в юридической науке, так и законодательстве того периода. Так, в римском праве встречаются указания на психические заболевания и душевную незрелость как факторы, освобождающие от наказания за уголовные преступления и влекущие признание сделок недействительными. Юстиниановское законодательство различало следующие виды душевного расстройства: безумие, помешательство с обманом чувств, слабоумие, «тронутые умом»¹⁸ и т. д. В кодексе Юстиниана также трактовались вопросы об отравлениях, определении возраста и беременности.

В дальнейшем, многие столетия отсутствуют сколько-нибудь значимые упоминания в специальной литературе об использовании специальных знаний для целей юрисдикционных органов.

Средние века в Западной Европе и России характеризовались забвением многих положений, приемов, навыков, использовавшихся ранее. Для этого периода характерны так называемые *трансцендентные доказательства*. Этот вид доказательств опирался на невидимые силы потустороннего мира. Широко использовались: божий суд, пророчество, присяга и другие способы установления истины.

Иногда имел место «эксперимент». Индивид подвергался «экспертом» (колдуном, священником, вождем) определенной процедуре, например, наложению раскаленного железа или принятию яда, а реакция подвергаемого испытанию была определяющим фактором в установлении виновности или невиновности¹⁹.

В конце средних веков за борьбой с ересью скрывалась слабость власти. Политическое инакомыслие подавлялось именно под предлогом борьбы с черной магией. Зарождение и развитие новых общественных отношений стало входить в противоречие с повсеместно имевшей место «охотой на ведьм». Коммерсанты в этих условиях все настойчивее предъявляли свои претензии к власти. По их мнению, недопустима была более практика, при которой торговые соглашения могли быть разорваны при малейшем намеке на ересь одной из сторон. Претензии в основном удовлетворялись, так как помимо интересов коммерсантов существенно страдали интересы казны. Так, последняя казнь по обвинению в колдовстве состоялась: в Нидерландах – в 1610 г.; Англии – 1684 г.; Франции – 1745 г.; Германии – 1775 г.; в Польше – в 1793 г.²⁰.

Судопроизводство периода Русской Правды (XI–XIII вв.) было в основном обвинительным. Доказательства имели характер подтверждений формальными средствами заявленных

¹⁷ Суханов Е. А. Введение // Новицкий И. Б. Римское право. – М., 1993. – С. 3.

¹⁸ Волков В. Н. Судебная психиатрия: Курс лекций. – М., 1998. – С. 11.

¹⁹ Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник для вузов / Пер. с франц.; отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М., 2000. – С. 165.

²⁰ Брайен Л. пытки и наказания / Пер. с англ. А. Н. Фельдшера. – Смоленск, 1997. – С. 30.

перед судом требований. Для этого использовались такие средства доказывания, как признание, испытания, судебный поединок, очистительная присяга, крестное целование и некоторые другие.

Признание было лучшим свидетельством совершения того или иного деяния, виновности лица. Для его получения в России широко применялись пытки, которые были формально запрещены в 1801 г., но на практике просуществовавшие до второй половины XIX в.²¹

Правда, как исключение, могли приглашаться и сведущие люди для получения информации об обстоятельствах дела, дачи пояснений.

В России с XVI в. по царскому Указу стали проводиться освидетельствования лекарями. Их целью являлось определение пригодности к военной и иной государственной службе.

Немаловажную роль сыграл *Аптекарский приказ*, который был создан в 1584 г. с целью централизации управления здравоохранением. Врачебное освидетельствование (экспертиза больных и увечных), как одна из функций Аптекарского приказа, заключалась в проведении экспертного исследования по определению степени утраты здоровья²². В результате такого освидетельствования составлялись «дохтурские сказки», в которых указывалось, в частности, «какой болезнью кто скорбен», «можно ль ему государеву службу служить»²³.

Иными словами, речь шла, говоря современным языком, о зарождении несудебных медицинских экспертиз, в первую очередь, о военно-врачебной экспертизе. Врачи Аптекарского приказа осуществляли экспертизу случаев ненадлежащего оказания медицинской помощи и освидетельствовали пострадавших от такого лечения. Проверка историй болезни («дохтурских сказок») была одним из направлений работы Аптекарского приказа. Таким образом, осуществлялся контроль за врачебной деятельностью (прообраз современной ведомственной экспертизы).

Рассмотрим следующий пример.

В 1674 г. лекарь М. Грек за 60 рублей взялся вылечить С. Потемкина от «кильной болезни», возникшей от удара лошадиным копытом. Во время операции вместе с опухолью Грек удалил пострадавшему яичко. С. Потемкин, уплативший авансом 20 рублей, по выздоровлении отказался уплатить остальную сумму, мотивируя свой отказ тем, что лекарь не вылечил его, а изувечил.

В результате возникло два дела: Грек обвинил Потемкина в неуплате условленной суммы; Потемкин же обвинил Грека в нанесении увечья неправильным лечением.

Освидетельствование Потемкина состоялось в Аптекарском приказе, где было установлено, что Грек лечил его по всем правилам врачебной науки.

С Потемкина в пользу Грека были взысканы «недоплатные деньги»²⁴.

С XVII в. стали активно проводиться освидетельствования и для других целей, в частности, для установления характера телесных повреждений²⁵.

В артикулах Воинского устава Петра Великого говорилось: «Надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от битья приключилась. А ежели сыщется, что убиенный был бит, а не от тех побоев, но от других случаев, которые ему присовокупились, умер, то надлежит убийцу не животом, но по рассмотрению судейскому наказать тюрьмою или денежным штрафом, шпицрутенном и прочая» (ст. 154).

²¹ Смирнов В. П. История состязательности в науке российского уголовно-процессуального права // История государства и права. – 2001. – № 4. – С. 31.

²² Сальников В. П., Стеценко С. Г. Регламентация медицинской деятельности в России: историко-правовые вопросы // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 150.

²³ Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. – М., 1966. – С. 22.

²⁴ Новоселов В. П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения. – Новосибирск, 1998. – С. 9–10.

²⁵ Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. – Л., 1965. – С. 4.

В Морском уставе Петра I было сказано: «Кто кого убьет так, что не тот час, но по некотором времени умрет, то надлежит о том свидетельствовать накрепко, что от тех побоев умер, или иная какая болезнь приключилась, и для того тот час по смерти его докторам взрезать мертвое тело и осмотреть, от чего ему смерть случилась» (ст. 108).

Данные источники свидетельствуют об обязательности вскрытий и производства судебных экспертиз в определенных случаях. Отмечается и цель исследования – установление причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями.

Во второй половине XVII в. зафиксированы первые случаи освидетельствования монахами психического состояния обвиняемых, получения справок и допросов докторов и лекарей о порядке употребления лекарств²⁶.

Иными словами, потребность в применении медицинских знаний в этот период в основном ощущалась в уголовном процессе.

Однако упоминаний об использовании специальных знаний, о сведущих лицах не было ни в Судебнике 1550 г., ни в Соборном Уложении 1649 г.²⁷

Соборное Уложение 1649 г. практически полностью дублировало западноевропейский розыскной процесс того периода. Еще активно использовались очные ставки и пытки.

В 1690 г. в Европе Иоганном Бонном было впервые опубликовано сочинение под названием «Судебная медицина», в которой были систематизированы медицинские знания того периода, использовавшиеся для целей органов следствия и суда, выделена судебная медицина в самостоятельный раздел медицинской науки. Данная работа послужила толчком к разработке врачебных приемов и методов, позволяющих решать «следственные и судебные» вопросы, как в Европе, так и в России.

Первый дошедший до нас отечественный законодательный акт, которым вводилась государственная регламентация судебной экспертизы, был царский Указ от 6 марта 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения, о писании крепостей в поместных и вотчинных делах в поместном приказе, а не на Ивановской площади, и о потребном числе свидетелей для крепостных актов»²⁸. Названный Указ явился первым на пути формирования института сведущих лиц и его основной составной части – судебной экспертизы. Согласно Указу, было признано обязательным исследовать подписи на крепостных актах. В качестве «экспертов» выступали дьяки и подьячие приказов.

В 1733 г. в таких крупных центрах, как С.-Петербург, Москва и Рига, были утверждены штатт-физики (лица, выполнявшие функции судебных медиков). В 1737 г. был утвержден институт городских врачей для проведения судебно-медицинских обследований (освидетельствований). В 1797 г. во всех губернских городах были учреждены врачебные управы, на которые возлагалось производство судебно-медицинских исследований, в том числе и вскрытие трупов.

Во второй половине XVIII в. студентам-медикам стали читать курс лекций по судебной медицине в Московском университете и Петербургской Медико-хирургической академии.

В 1842 г. был издан Устав судебной медицины, урегулировавший деятельность судебных медиков. Появилась четкая структура соответствующей службы: *первая инстанция* – уездные и городские врачи, *вторая* – врачебные отделения, *третья* – Медицинский Совет. Этот документ с небольшими изменениями и дополнениями просуществовал до 1917 г.

²⁶ Новомбергский Н. Врачебное строение в допетровской Руси. – Томск, 1907. – С. 249; Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в России. – Казань, 1891. – С. 66.

²⁷ См. Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. – М., 1985.

²⁸ Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. – Л., 1965. – С. 58.

Медицинский Совет был высшей медицинской инстанцией. В его обязанности входило: инспектирование врачебных управ, рассмотрение дел о профессиональных правонарушениях врачей, освидетельствование живых лиц в случаях привлечения к ответственности врачей, рассмотрение фактов незаконного врачевания.

Следует отметить, что Медицинский Совет одновременно являлся и высшей судебно-медицинской инстанцией. В его функции входила проверка работы судебных врачей и наложение взысканий на них.

Рассмотрим следующий пример.

В 1843 г. врач Ростиславлев в заключении о смерти Калмыковой, отравившейся мышьяком, принятым ею по ошибке, написал, что смерть ее последовала от апоплексического удара, хотя при судебно-химическом исследовании ее внутренностей был обнаружен мышьяк.

Медицинский Совет постановил лишить врача права производить судебно-медицинские вскрытия и отдать под суд²⁹.

Процессуальное законодательство XVIII в. характеризуется заимствованием сначала немецкого инквизиционного, а затем – следственного порядка, что свидетельствует о сильном германском влиянии на развитие уголовного и гражданского судопроизводства в России. Этот же период совпадает с появлением интереса и рецепцией теорией, а затем и законодательством России ряда положений классического римского права.

Значительное влияние на исследуемые процессы оказал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. После принятия данного акта немецкий курс был временно забыт, и российский процесс «всецело отдался» французским симпатиям. В дальнейшем германские и французские элементы сочетались в различных пропорциях, оказывая влияние на все дальнейшее развитие как уголовного, так и гражданского судопроизводства России.

Устав 1864 г. отменил формальный подход к оценке доказательств, ввел суд присяжных, состязательные начала в судебный процесс. В нем были названы *основные виды сведущих лиц*: «врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особую опытность»³⁰.

Несмотря на существенный прогресс в законодательной регламентации деятельности сведущих лиц, необходимо помнить, что дореформенный суд целиком зависел от администрации, которая, по признанию министра внутренних дел С. С. Ланского, «ездил на юстиции»³¹. Тайна судебного производства, применение телесных наказаний, произвол, продажность, царившие в дореформенном суде, были «притчей во языцех», что существенным образом сдерживало применение специальных знаний для целей правосудия.

Несмотря на имевшуюся практику и практиков, которые, как известно, инертны, дело сдвинулось с мертвой точки. В немалой мере развитию института сведущих лиц способствовал появившийся институт адвокатов. Утверждались краеугольные принципы процессуального права: независимость суда, несменяемость судей, гласность и состязательность. Было сокращено количество судебных инстанций и четко разграничена их компетенция.

На практике, при возникновении потребности в разрешении какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, наиболее часто назначалась экспертиза. При этом сведущие люди избирались в количестве от одного до трех человек по взаимному согласию сторон. Если же согласия не последовало, то эксперты назначались мировым судьей.

²⁹ Новоселов В. П. Ответственность работников здравоохранения за профессиональные правонарушения. – Новосибирск, 1998. – С. 13.

³⁰ Статья 326 УУС.

³¹ Троцкий Н. А. Лекции по русской истории XIX века. – Саратов, 1994. – С. 156.

Хотя в Уставе не было терминов «эксперт», «экспертиза», в нем шла речь о деятельности, которая в дальнейшем стала именоваться судебной экспертизой.

Необходимо также отметить, что хотя Устав и не предусматривал участия сведущих лиц в иных процессуальных действиях, кроме как в форме экспертизы, на практике использовались и иные формы применения специальных знаний. Наиболее часто в осмотрах и освидетельствованиях участвовали врачи. По существу, речь шла о зарождении такой формы использования специальных знаний как участие специалиста. Так, в книге второй пятнадцатого тома Свода законов (ст. 943, 1083) была установлена возможность истребования от сведущих лиц показаний и мнений в тех случаях, когда для познания обстоятельств дела были необходимы особенные сведения или опытность в науке...»³².

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. также содержал отдельные нормы, регламентирующие деятельность сведущих лиц. Так, на основании ст. 507, 515 суд был вправе по собственному усмотрению назначить осмотр на месте и истребовать заключение сведущих лиц.

Издание новых процессуальных кодексов и запросы практики потребовали от судебных медиков и психиатров разработки целого ряда экспертных вопросов. Не случайно, именно в этот период были заложены основы новых научных направлений и исследований. В это время было определено происхождение странгуляционной борозды (прижизненная или посмертная) по гистологической картине кожи (И. И. Нейдинг), разработан ряд вопросов акушерско-гинекологической экспертизы, экспертизы вещественных доказательств (Н. А. Оболонский, П. А. Минаков) и другие.

С 1865 г. начал издаваться первый русский журнал по судебной медицине «Архив судебной медицины и общественной гигиены».

В 1895 г. увидело свет первое руководство по судебной психиатрии «Судебная психопатология», подготовленное В. П. Сербским.

Отдельные научные положения, получившие в этот период развитие в прикладной медицинской науке применительно к задачам уголовного процесса России, были заимствованы и для гражданского судопроизводства.

Растущие потребности следственной и судебной практики (в первую очередь, по уголовным делам) в специальных знаниях, с одной стороны, и «неопределенность» правового статуса сведущих лиц и регламентации их деятельности, обусловили научную полемику по данной проблематике.

Так, Л. Е. Владимиров разделял экспертов на две группы: эксперты, основывающие свои заключения на какой-либо науке, научные судьи, цель которых – решение специального вопроса по делу; эксперты, основывающие свое заключение на опытности в каком-либо ремесле, дают справки; они не являются судьями³³.

Причем к первой группе экспертов Л. Е. Владимиров относил врачей, ко второй – всех остальных сведущих лиц.

Данная позиция часто критикуется в специальной литературе за «необоснованное» признание за врачами права вынесения обязательных для суда решений по специальным вопросам (предустановленная сила доказательства). Здесь следует отметить следующее. Хотя заключение эксперта не является особым, обладающим большей доказательственной силой, однако по целому ряду дел невозможно с высокой степенью достоверности разрешить те или иные вопросы без соответствующего заключения (проблема достаточности и достоверности доказательств). В то же время недооценка иных исследований, кроме медицинских, по тем или иным вопросам могла затормозить развитие других классов и родов экспертных исследований.

³² Рахитов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. – М., 1953. – С. 225.

³³ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Изд. 3. – СПб., 1910. – С. 281.

В. Д. Спасович считал экспертизу особой разновидностью осмотра, при помощи специально подготовленных людей, а экспертов – помощниками судей, излагающими в суде научные истины. В то же время, по его мнению, сведущие люди часто не ограничиваются изложением известных им фактов, законов, а оказывают содействие в установлении необходимых обстоятельств, необходимых для решения суда³⁴.

Я. И. Баршев относил сведущих лиц к категории ученых свидетелей, а их показания – особой разновидностью свидетельских показаний. Однако, как известно, свидетель – лицо незаменимое в отличие от эксперта. Есть между ними и общие черты – их личная незаинтересованность в исходе дела, отсутствие самостоятельного процессуального интереса. Важно заметить, что корни данного подхода, используемого английским правом и доктриной, довольно сильны и дают о себе знать и в настоящее время. Эксперты отмечают, что их иногда судьи или следователи пытаются допросить в качестве свидетеля.

Несмотря на различные подходы к исследуемой проблеме, важно следующее. Существовала и существует потребность в использовании специальных знаний как для производства исследования, так и для оказания содействия в осмотрах, получении справочной информации, разъяснении специальных вопросов, не требующих исследования. Более того, такие две формы использования специальных знаний, как экспертиза и участие специалиста диалектически взаимосвязаны друг с другом, они, во-первых, дают возможность, полнее собирать необходимые материалы для экспертиз и четко определять предмет экспертизы; во-вторых, более полно, детально и объективно оценивать экспертные заключения в процессе доказывания и установления истины по конкретному делу.

Эволюция принципов состязательности и диспозитивности позволяет, на наш взгляд, привлекать к участию в процессе сведущих лиц от сторон (истец и ответчик) с противоположными интересами для оспаривания выводов эксперта. Причем данная возможность в свое время была предусмотрена Уставом уголовного судопроизводства³⁵.

В то же время, после того как демократический подъем схлынул, судебная реформа была завершена. В частности, в дальнейшем была нарушена бессословность суда (особые суды для крестьян, духовенства, военных). Довольно условной оказалась несменяемость судей и некоторые другие завоевания.

Тем не менее судебная реформа 1864 г. явилась самым крупным в истории дореволюционной России шагом в направлении построения прообраза правового государства. Многие принципы и демократические институты (суд присяжных, адвокатура, институт сведущих лиц и некоторые другие), заложенные в этот период, содействовали развитию законности и правосудия, оказали заметное влияние на дальнейшую законотворческую деятельность в Советском Союзе и пореформенной России.

Таким образом, еще в дореволюционной России были заложены основы для развития в процессуальном законодательстве института сведущих лиц. Причем «его характерными чертами стали узкое понимание экспертизы, заключения эксперта как доказательства, отграничение экспертизы от участия специалиста...»³⁶.

В постреволюционный период судьи некоторое время руководствовались действующими до революции законами о судопроизводстве, если они не были отменены и не противоречили революционному правосознанию. Постепенно разрабатывалась и «собственная» нормативная база. Так, получили закрепление взгляды на врачей как на научных судей в Постановлении о правах и обязанностях государственных медицинских экспертов Наркомздрава РСФСР, утвер-

³⁴ Спасович В. Д. Сочинения. Т. 3. – СПб., 1890. – С. 195.

³⁵ Статья 578 УУС 1864 г.

³⁶ Мохов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – М., 2000. – С. 24.

жденном в 1918 г.³⁷, в Положении о психиатрической экспертизе, утвержденном Наркомздравом в 1919 г.³⁸, а также в Положении о судебно-медицинских экспертах, утвержденном в 1921 г.³⁹

В последующем термин «экспертиза» получил законодательное закрепление в уголовно-процессуальном и гражданском процессуальном законодательстве нашей страны (УПК РСФСР, УПК РФ, ГПК РСФСР, ГПК РФ). Так, в УПК РСФСР 1922 г. указывалось, что экспертиза проводится в случаях, когда необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле, а заключение эксперта является доказательством⁴⁰.

УПК РСФСР (в редакции от 1 февраля 1923 г.) воспроизводил положения УПК РСФСР 1922 г., но вместе с тем имел и существенные изменения, отвергающие взгляд на судебного эксперта как научного судью, выводы которого не подлежат оценке судом.

Этот же период характеризуется появлением узкоспециализированных медицинских экспертных учреждений в России. Так, для проведения экспертизы и разрешения возникающих при этом вопросов в 1918 г. в Петрограде создается Диагностический институт судебной неврологии и психиатрии, а в 1921 г. в Москве организован Институт судебно-психиатрической экспертизы.

В то же время, в Положении о производстве судебно-медицинской экспертизы, согласованном с Прокуратурой и утвержденном Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР 16 февраля 1934 г., среди отдельных видов судебно-медицинских экспертиз указывалась также и судебно-психиатрическая. По смыслу этого документа считалось, что судебно-психиатрическая экспертиза по особенностям и организационной структуре входит как отдельный вид в судебно-медицинскую экспертизу и ближе к последней, чем собственно к психиатрии. Но дальнейшая практика показала, что судебно-психиатрическая экспертиза в большей степени использует данные клинической психиатрии и фактически является особым разделом психиатрической науки и практики.

Участие специалиста как процессуальной фигуры не было регламентировано процессуальным законодательством данного периода. Врачи-эксперты приглашались для участия в осмотрах и освидетельствованиях, проводимых следователем. О результатах осмотра или освидетельствования следователем составлялся протокол, т. е. речь шла о следственных действиях, проводимых с участием сведущих лиц.

И. Н. Якимов в 1929 г. предложил делить всех сведущих лиц на две категории. В первую категорию он относил научных экспертов, разрешающих вопросы на основании данных какой-либо науки, во вторую – справочных экспертов, дающих сведения, необходимые по делу⁴¹. Причем, по его мнению, научные эксперты дают заключение по поставленным вопросам на основании данных науки, а справочные эксперты – на основании занятия ими каким-либо ремеслом, искусством. Участие первых он считал обязательным, участие вторых – нет. И. М. Якимов по этому поводу пишет: «Роль первых – самостоятельна, роль вторых – подсобна, так как без них иногда можно обойтись, если производящий расследование обладает соответствующими сведениями или может получить их другим путем»⁴².

Вопрос о необходимости признания специалистов в качестве самостоятельной процессуальной категории субъектов подробно был исследован в работах советских криминалистов⁴³,

³⁷ СУ. 1919. № 53. – ст. 597.

³⁸ Там же. № 85. – ст. 889.

³⁹ Там же. 1921. № 75. – ст. 616.

⁴⁰ Статьи 58 и 63 УПК РСФСР (в редакции 1922 г.).

⁴¹ Якимов И. М. Криминалистика. Уголовная тактика. – М., 1929. – С. 119.

⁴² Там же.

⁴³ Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. – М., 1949. – С. 73; Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы. – Минск, 1969. – С. 116–120; Мельникова Э. Б. Участие специалистов в следственных дей-

которые отстаивали точку зрения о том, что функции специалистов имеют существенные отличия от функций экспертов.

Данный недостаток в дальнейшем был устранен. Так, ст. 133 УПК РСФСР «Участие специалиста» регламентировала деятельность следователя по привлечению специалиста для участия в тех или иных следственных действиях. Причем участие специалиста в области судебной медицины является обязательным в наружном осмотре трупа, а также при извлечении трупа из места захоронения (эксгумация)⁴⁴. Деятельность специалиста и его процессуальное положение как субъекта уголовного процесса урегулирована также ст. 661, 67, 106 и некоторыми другими УПК РСФСР.

Дополнение уголовно-процессуального законодательства нормами, регламентирующими участие специалистов в уголовном процессе России, оказало положительное влияние на работу правоохранительных органов и деятельность суда. Как отметил Л. А. Сергеев, большое значение для процесса быстрого и полного раскрытия преступлений имело закрепление в уголовно-процессуальном законе положения об участии в следственных действиях специалистов⁴⁵.

Однако результаты обобщения практики привлечения специалистов свидетельствуют о наличии определенных трудностей, связанных с правильной реализацией специальных знаний. В первую очередь, это объясняется недостаточно полным урегулированием процессуальных аспектов использования специальных знаний в форме участия специалиста (права и обязанности, обязательное и факультативное участие, юридическая ответственность).

Недостаточно четкое решение данных вопросов привело, по мнению Ю. А. Калинкина, к тому, что на практике стали встречаться две крайности. Одна из них связана с тем, что специалисты не привлекаются в случаях, когда их помощь могла бы оказаться полезной, а вторая – с тем, что следователи не всегда верно представляют себе назначение и роль специалистов⁴⁶.

Данное положение следует учитывать законодателю при дальнейшем совершенствовании ГПК РФ и УПК РФ.

УПК РФ, принятый Государственной Думой 22 ноября 2001 г., более детально регламентирует деятельность сведущих лиц в уголовном процессе России. Например, существенно расширена сфера деятельности специалиста⁴⁷. Однако ряд вопросов, поставленных теоретиками, не нашел разрешения и в новом УПК РФ.

Гражданское процессуальное законодательство в части регламентации деятельности сведущих лиц до самого последнего времени «отставало» от уголовно-процессуального. Хотя фактически, исходя из смысла ряда норм ГПК РСФСР 1964 г., специалисты (например, врач-психиатр) участвовали в гражданском процессе, их правовой статус надлежащим образом не был урегулирован. В новейшем законодательстве данный пробел частично устранен⁴⁸. В то же время отдельные предложения, касающиеся регламентации деятельности сведущих лиц в гражданском судопроизводстве, пока не нашли отклика у законодателя.

Следует отметить, что в 2001 г. принят и вступил в силу Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В данном нормативном акте впервые определена правовая основа судебно-экспертной деятельности, ее задачи, прин-

ствиях. – М., 1964. – С. 12; Мохов В. Н. Участие специалистов в следственных действиях: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1972. – С. 8.

⁴⁴ Статья 180 УПК РСФСР (в редакции 1960 г.).

⁴⁵ Сергеев Л. А. Участие специалистов при производстве следственных действий: Руководство для следователей. – М., 1971. – С. 88.

⁴⁶ Калинкин Ю. А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями: Дис... канд. юрид. наук. – М., 1981. – С. 87.

⁴⁷ Статья 58 УПК РФ // Российская газета. – 22 декабря. – 2001.

⁴⁸ Статья 188 ГПК РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. – 20 ноября. – 2002.

ципы. Системно урегулированы обязанности и права как руководителя судебно-экспертного учреждения, так и эксперта. Нормами главы 4 Закона определяются условия и место производства судебной экспертизы в отношении живых лиц; условия производства экспертизы в отношении отдельных категорий граждан; регламентирован порядок изъятия образцов у человека для последующего исследования; сроки производства экспертиз. Впервые на уровне специального закона вводятся отдельные гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводится судебная экспертиза.

Таким образом, ***происходят взаимообусловленные процессы:** становление правового государства, осуществление судебной реформы, модернизация и формирование новых институтов процессуального и материального права, что невозможно без использования достижений науки и правотворчества, регламентирующего порядок использования достижений науки и техники для целей правосудия.*

1.2. Понятие и сущность медицинских знаний в гражданском судопроизводстве

В процессе отправления правосудия по гражданским делам часто возникает необходимость использования специальных знаний (познаний) и навыков. Правовым основанием использования специальных знаний и навыков являются процессуальные нормы, которые, к сожалению, не устанавливают четких критериев, необходимых для отграничения специальных знаний от неспециальных знаний. Существует также проблема разграничения или отождествления понятий «знание» и «познание». В обыденной жизни определения не причиняют нам особых беспокойств. В отдельных областях человеческой деятельности проблема определения оказывается чрезвычайно важной, порой – решающей.

В правовой науке терминологическая точность (стремление, приближение к ней) особенно важна, поскольку выработанные теоретические понятия в дальнейшем могут быть использованы в законодательной практике, приобретая, таким образом, всеобщее значение.

Рассмотрим в качестве иллюстрации сказанному один пример.

В 1973 г. произошло заметное событие в жизни США – внезапно вывелись миллионы психически больных людей! Хотя, собственно, об исцелении речь вести вряд ли возможно. Произошло следующее: в 1973 г. Американская психиатрическая ассоциация исключила из официального перечня психических расстройств «гомосексуальность», в результате чего миллионы гомосексуалистов перестали считаться психически неполноценными людьми. Таким образом, Американская психиатрическая ассоциация, исключив «гомосексуальность» из списка психических болезней, решила одновременно и комплекс других вопросов: получит ли человек медицинскую помощь; нуждается ли гомосексуалист, совершивший преступление, в принудительном лечении в психиатрической клинике и другие.

Знание – понятие многоаспектное. Существуют различные определения данного понятия.

Знание – в самом общем понимании – это «продукт общественной, материальной и духовной деятельности людей; идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природного и человеческого»⁴⁹.

Познание – это процесс получения человеком нового знания, открытие неизвестного ранее⁵⁰.

В работах по гражданскому и уголовному процессу, криминалистике одни авторы ведут речь о специальных знаниях, другие – о специальных познаниях. Подобного рода разночтения встречаются и в отдельных статьях процессуальных кодексов (ГПК, УПК, АПК).

Законодатель в одних случаях употребляет и употребляет термин «специальные знания» (ст. 80, 133 УПК РСФСР, ст. 57–58 УПК РФ, ст. 55 АПК РФ, ст. 76 ГПК РСФСР, ст. 79 ГПК РФ, ст. 9, 21 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), в других – «специальные познания» (ст. 78 УПК РСФСР, ст. 74–75 ГПК РСФСР, ст. 29 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 26.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Интересен и тот факт, что законодатель, принимая два закона в один и тот же день, использует в одном законодательном акте словосочетание «специальные знания»⁵¹, в другом – «специальные познания»⁵².

⁴⁹ Философский словарь. – М., 1991. – С. 146.

⁵⁰ Смирнов И. Н., Титов В. Ф. Философия. – М., 1998. – С. 70.

⁵¹ Статья 55 АПК РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 27 июля. – 2002.

⁵² Статья 29 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ // Российская газета. – 27

На наш взгляд, «познание» и «знание» – явления близкие, взаимосвязанные и взаимобусловленные, но не тождественные. Данное положение следует учитывать так же, как, впрочем, и тот факт, что термин «познание» является устоявшимся в специальной литературе.

Новейшее законодательство в основном оперирует термином «специальные знания». Однако неопределенность термина существует, поскольку законодатель не поясняет его смысла.

В научной литературе искомое понятие используется довольно широко и обстоятельно, не находя, тем не менее, четкой дефинитивной формы выражения.

Выдающийся психолог М. Вертгеймер считал, что понятие «знание» – двусмысленно. Знание «слепой» связи между предметом и его назначением существует, но оно сильно отличается от открытия связи между средством и целью⁵³. Последнее знание уже не может рассматриваться как нечто, задаваемое извне: это живое знание. Речь идет о знании, которое рождается, эволюционирует, умирает, отрицаемое новым знанием. Таким образом, знание динамично. С одной стороны, мы опираемся на знания, созданные кем-то, с другой стороны, знание – это «состояние понимания», присущее сознанию конкретного человека. Полученная информация используется индивидом для создания собственных внутренних структур – это активный психический процесс. Имея определенный запас информации и навыки работы с ней человек обладает возможностью связывать новую информацию, новые идеи с уже известными, выстраивать расширяющиеся структуры знаний, благодаря которым формируется индивидуальное, внутреннее представление картины окружающего нас мира.

В зависимости от того, какой смысл вкладывается в термин «специальные знания», зависит субъектный состав привлекаемых в гражданский процесс участников. Ведь специальными знаниями могут обладать судья, истец, ответчик, прокурор, эксперт и другие лица, участвующие в гражданском процессе по конкретному делу.

Попробуем определить место и роль специальных знаний в жизни общества, поскольку терминология знания является (в отличие от познания) универсальной.

Знания человеческого общества могут быть житейскими, художественными и научными (эмпирические и теоретические)⁵⁴.

Иногда встречается деление знаний общества на обыденные, философские и научные знания⁵⁵.

Как мы видим, гносеология не выделяет особой категории «специальные знания». Факт употребления законодателем термина «специальные» обусловлен, на наш взгляд, собственно правовым, прикладным, процедурным аспектом существования и использования накопленного человечеством знания для целей правосудия.

Не случайно Е. Г. Коваленко отмечает, что данное понятие является отраслевым, юридическим, применяемым для разграничения знаний различных специалистов, привлекаемых для содействия в решении определенных вопросов⁵⁶.

Данная точка зрения на роль и место специальных знаний была принята большинством ученых. При этом многие стали противопоставлять специальные знания общеизвестным (обыденным).

июля. – 2002.

⁵³ Вертгеймер М. Продуктивное мышление. – М., 1987. – С. 108.

⁵⁴ Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Н. Панова. – М., 1983. – С. 192.

⁵⁵ Мостепаненко М. В. Философия и методы научного познания. – Л., 1972. – С. 9–13.

⁵⁶ Коваленко Е. Г. Использование экспертных знаний в деятельности органов внутренних дел по предупреждению хищений социалистического имущества: Учебное пособие. – Киев, 1990. – С. 9.

В этой связи Е. В. Селина пишет: «*Специальные знания* – это знания не общеизвестные, не общедоступные, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта»⁵⁷.

В. П. Тугаринов поясняет: «Под обыденным сознанием понимается такое, которое направлено на круг явлений, не обязательно требующих для своего фактического использования научного подхода, и основано на житейско-эмпирических знаниях и навыках, добытых вненаучным путем»⁵⁸.

Знания, применяемые судьей при рассмотрении и разрешении гражданских дел, иных субъектов, условно можно разделить на две составляющие: *обыденные знания* и *профессиональные знания*.

В юридической литературе обращается внимание на то, что знания юристов-профессионалов существенно отличаются от обыденного уровня сознания. В то же время не все практики-юристы достаточно хорошо владеют теоретическим уровнем сознания в силу целого ряда объективных и субъективных причин.

А. Д. Керимов приходит к выводу о целесообразности в структуре правового сознания вычленять три уровня сознания: «*обыденное, непосредственное (эмоциональное)*, отражающие правовые отношения людей в повседневной жизни; *практическое*, основанное на опыте правового строительства; *научное*, связанное с исследованием того круга явлений, познание которых необходимо для решения правовых проблем»⁵⁹.

Таким образом, представляется возможным с определенной долей условности выделить *три уровня знания в социуме*: обыденные знания; практические (профессиональные) знания; научные (теоретические) знания.

Рассмотрим в предложенной последовательности эти уровни.

Обыденные знания необходимы для осуществления целого ряда функций жизнедеятельности человека. Они приобретаются и совершенствуются в течение всей жизни индивида и помогают ему более эффективно взаимодействовать с окружающей средой. Предполагается, что каждый человек, достигший совершеннолетия и не имеющий существенных дефектов здоровья, обладает необходимым минимумом обыденных знаний и опыта, позволяющим ему выполнять определенную социальную функцию, вести себя «как следует».

Теоретический уровень выступает в виде системы фундаментальных знаний, выраженных в структурно-функциональных понятиях, раскрывающих сущность явлений. Наука призвана наиболее глубоко познавать объект своего отражения, прогнозировать тенденции развития на основе выявленных закономерностей посредством специфического инструментария. Кроме того, любая наука соединена с практикой, обеспечивающей ей концептуальную форму существования. Повышение теоретического уровня знаний приносит заметное приращение рекомендаций, применяемых на практике. Практика же показывает их эффективность, а также ставит перед наукой новые вопросы, требующие разработки и дачи соответствующих рекомендаций.

Профессиональные знания формируются путем целенаправленной подготовки лица к определенному роду деятельности. Они незаменимы. Без их овладения невозможно надлежащее осуществление профессиональной деятельности. Данные знания условно можно именовать специальными.

По мнению А. А. Эйсмана, *специальные знания* – это «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения; короче, это знания, которыми рас-

⁵⁷ Селина Е. В. Производство экспертизы по уголовным делам: Лекция. – Краснодар, 1996. – С. 8.

⁵⁸ Тугаринов В. П. Философия сознания. – М., 1971. – С. 135.

⁵⁹ Керимов А. Д. Советское государство и право. – М., 1975. – С. 42.

полагает ограниченный круг специалистов, причем очевидно, что глубокие знания в области, например, физики, являются в указанном смысле специальными для биолога, и наоборот»⁶⁰.

В приведенном определении отмечен важнейший признак специальных знаний – они не являются общеизвестными.

В то же время, как правильно подметила Е. Р. Россинская, «соотношение специальных и общеизвестных познаний по своей природе изменчиво, зависит от уровня развития социума и степени интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека»⁶¹.

Обусловлено данное обстоятельство и тем фактом, что путь к чувственно-эмоциональному (практическому) уровню лежит через обыденный уровень. На практическом же уровне уже с этапа подготовки лица к конкретной профессиональной деятельности прослеживается связь с теорией, хотя и не всегда органичная.

Действительно, формы мышления людей, их знания могут быть весьма различными. Причем, на наш взгляд, меняются они не столько от нации к нации или время от времени (национально-культурная и историко-культурная детерминация), сколько от одной социальной группы к другой (социально-групповая детерминация).

Стоит только задуматься над тем, одинаково ли грамотны в отношении родного языка те или иные социальные группы, чтобы понять, что, безусловно, нет, хотя большинство изучает правила этого языка. Что же в таком случае можно сказать в отношении иных знаний, с которыми большинство вообще не знакомо?

Так, Т. Губаева, М. Муратов и Б. Пантелеев пишут: «Оценка текста, ставшего предметом спорных отношений, обычно дается по собственному лексическому опыту судей и лишь изредка к участию в деле привлекаются эксперты. Более того, во многих случаях ходатайства сторон о назначении экспертизы отклоняются судом на том основании, что для правильного разрешения дела вполне достаточно, мол, познаний любого грамотного человека, способного прочесть текст и уяснить его содержание. В любом случае такая практика представляется ошибочной. Хотя «даром речи» от природы обладают все люди, отнюдь не каждый носитель языка, а только компетентный эксперт с помощью известных филологической науке критериев определит, каким образом содержание высказывания соотносится с действительностью, какие слова и выражения содержат экспрессивный компонент, принадлежат к нормативному или ненормативному лексикону»⁶².

Н. Я. Соколов удачно подметил то обстоятельство, что путь юриста к «профессиональному правосознанию лежит не только через овладение научными познаниями, но и через предшествующее ему обыденное правовое сознание»⁶³.

З. М. Соколовский заметил, что попытка определить специальные знания путем их противопоставления общежитским, общеизвестным неудачна⁶⁴. В зависимости от обстоятельств дела, квалификации лиц и иных факторов, одни и те же знания могут быть отнесены либо к специальным, либо к общеизвестным.

Следует также отметить, что если для профессионала-практика (скажем, врача или юриста) научные знания лежат в основе его подготовки к будущей деятельности, а в дальнейшем пополняются по мере необходимости в повседневной деятельности с целью решения новых задач (субсидиарное применение), то для профессионала-ученого (скажем, врача-ученого или

⁶⁰ Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. – М., 1967. – С.91.

⁶¹ Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал Российского права. – 2001. – № 5. – С. 33–34.

⁶² Губаева Т., Муратов М., Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 24.

⁶³ Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. – М., 1988. – С. 98.

⁶⁴ Соколовский З. М. Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний для установления причинной связи явлений: Дис... докт. юрид. наук. – Харьков, 1968. – С. 117.

ученого-юриста) профессиональные и научные знания становятся тождественными (в определенной области полностью совпадают). Однако здесь следует учитывать специализацию ученых, так как она оказывает влияние на характер имеющихся у них знаний. Так, знания профессора-гинеколога в области гинекологии являются и научными и профессиональными, знания же в области, например, медицины вообще – только профессиональными (врачебные знания). Аналогичная ситуация возникает применительно к знаниям в области права. Юрист по образованию, защитивший кандидатскую или докторскую диссертации по теории права, ведущий активную научную работу, обладает научными знаниями в области теории права, однако в других отраслях юридической науки он таковыми не обладает, что не исключает наличия у него профессиональных знаний в области юриспруденции. Медицинские знания у юриста (как, впрочем, и юридические у врача) если и имеются, то, как правило (об исключениях мы будем еще вести речь), они не выходят за рамки обыденных знаний.

Иная ситуация возникает, когда извращается смысл самого понятия «специальный», «специалист». Однако если внимательно присмотреться к окружающей действительности, то оказывается, что смысл первоначального значения того или иного понятия нередко искажается в угоду определенным интересам.

Приведем только один пример.

В одном из объявлений (которых вы можете найти десятки) сказано, что врач-хирург, специалист высшей квалификации, занимающийся пластической хирургией, специализируется на операциях по изменению формы носа, ушной раковины, увеличению или уменьшению женской груди, удалению морщин, лишнего жира и т. п. Извращая смысл слова, нам пытаются внушить, что человек обладает глубокими знаниями и большим практическим опытом в различных областях пластической хирургии. Заметим, если врач способен одинаково хорошо выполнять все операции из перечисленных, тогда он – универсал. Но по определению нельзя специализироваться во всем сразу. Если же написать в объявлении – врач-универсал, то это, естественно, отпугнет потенциальных клиентов, так как термин «универсал» приобретает негативный оттенок применительно к рассматриваемым общественным отношениям.

Следует также заметить, что в настоящее время человеческое знание весьма интенсивно пополняется новыми данными, опережая опыт их применения, что влечет за собой определенные угрозы для общества⁶⁵.

Поэтому, несмотря на объективно существующий процесс – переход части специальных знаний в категорию общеизвестных, **специальные знания от этого своей специфики не утрачивают**. Они таковыми остаются в части, которая не является общеизвестной «среднему» индивиду. Так, потенциальный потребитель или обладатель автомобиля, несмотря на обилие литературы, журналов, телепередач на «автомобильную тематику», как правило, не в состоянии самостоятельно осуществить мелкий ремонт или даже установить поломку, не говоря о даче профессиональной консультации или определении причин неисправности.

Таким образом, профессионализм, в отличие от дилетантства, «непременно связывается с наличием специальных знаний»⁶⁶, имеющих прочную научную основу. Период ремесленничества, знаний «от природы» или «по наитию», уходит в прошлое. Наука, проникая в суть явлений, оставляет все меньше места знахарству, шарлатанству и попросту – невежеству.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером.

Любитель вина загадочно улыбается, ставит на стол слегка запыленную таинственную бутылку и говорит: «А теперь, скажите-ка мне, что это за вино и какого оно года «рож-

⁶⁵ Адамов А. К. Строительство ноосферных республик – главный вектор эволюции человеческих сообществ // Приоритет России XXI века: от биосферы и техносферы к ноосфере: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю. И. Вдовина. – Пенза, 2003. – С. 8–11.

⁶⁶ Лазарев В. В. Теоретические вопросы взаимосвязи профессиональных и общественных начал в деятельности органов внутренних дел // Труды Академии МВД СССР. – М., 1990. – С. 10.

дения»? В некоторых фильмах, книгах, рассказах знаток, которому заданы эти вопросы, оставаясь совершенно невозмутимым, наливает вино в фужер, в течение минуты «прислушивается» к аромату напитка, делает 1 глоток, а затем уже высказывает мнение, доказывающее, что он знает о данном продукте все. Не определенной остается разве что группа крови винодела... Существуют ли на самом деле такие знатоки? Если это не розыгрыш и перед вами не аферист, то ответ будет отрицательным, если только это не хорошо знакомое дегустатору вино. В остальных случаях необходима кропотливая работа по «вычислению» предположенного дегустатору вина. Оценивается значительное число параметров (цвет, прозрачность, аромат, кислотность и другие). Полученные параметры сопоставляются с погодными условиями в месте произрастания установленного сорта винограда, определяются благоприятные и менее благоприятные для виноделия годы. В итоге – на основе анализа целого ряда показателей и делается окончательный вывод. При этом даже опытные виноделы знают не все⁶⁷.

Применительно к установлению обстоятельств дела судом и использованию специальных знаний с сугубо практической точки зрения, как справедливо отмечает Т. В. Сахнова, проблема разграничения обыденного и специального знания есть проблема определения критериев потребности в специальных познаниях.

Автор формулирует ряд предпосылок использования специальных знаний: наличие нормы права, содержащей специальные элементы в определенной форме; наличие соответствующего уровня развития научных знаний, позволяющего использовать их для практических целей, целей судопроизводства; наличие объективной связи между способом применения знаний и юридической целью их использования⁶⁸.

Как отмечает В. М. Вальдман, специальными являются знания, полученные лицом на базе глубокого изучения определенной отрасли науки и техники, ремесла или искусства⁶⁹. Аналогичной точки зрения придерживаются З. М. Соколовский⁷⁰ и М. Л. Якуб⁷¹.

По мнению А. А. Закатова и Ю. Н. Оропай, под специальными знаниями понимают «проверенные практикой профессиональные знания компетентных лиц, их умение пользоваться научно-техническими средствами и приемами для обнаружения, фиксации и исследования доказательств в ходе следственного действия»⁷².

В. И. Шиканов предлагает следующее определение: «Знания и практический опыт, оказавшиеся необходимыми для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, в уголовном судопроизводстве принято называть специальными познаниями»⁷³.

По мнению А. В. Гусева, специальные знания отличаются от общеизвестных именно фактом специальной подготовки людей, в ходе которой они приобретают профессиональные знания⁷⁴.

⁶⁷ Мир вин. Вина мира / Пер. с нем. С. Смарикина. – М., 1997.

⁶⁸ Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. – М., 1999. – С. 8–9.

⁶⁹ Вальдман В. М. Компетенция эксперта в советском уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1966. – С. 23.

⁷⁰ Соколовский З. М. Понятие специальных знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев. РИО МВД УССР. Вып. 6. – 1969. – С. 202.

⁷¹ Советский уголовный процесс: Учебник / Под ред. Д. С. Косарева. – М., 1968. – С. 154.

⁷² Закатов А. А., Оропай Ю. Н. Использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании преступлений. – Киев, 1980. – С. 81.

⁷³ Шиканов В. И. Проблемы использования специальных знаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... докт. юрид. наук. – М., 1980. – С. 11.

⁷⁴ Гусев А. В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – С. 14.

Следует также помнить о том, что данная терминология обусловлена правовой спецификой такого рода знаний. Поэтому определение должно отражать ее. Так, по мнению И. Н. Сорокотягина, специальные знания характеризуются их предназначенностью для получения доказательственной, оперативно-розыскной и иной информации, необходимой для раскрытия и расследования преступления⁷⁵.

Если исходить из приведенных определений, то и знания судьи являются специальными, так как они необходимы как для определения самого предмета доказывания, так и для выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В то же время ряд авторов делают оговорку по этому поводу.

В. И. Шиканов отмечает, что из понятия «специальные знания» исключаются общеизвестные знания, а также познания в области права⁷⁶.

В. П. Зезьянов пишет: «Специальные знания – это любые не правовые в своей основе знания, используемые в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, путем привлечения по инициативе субъекта доказывания соответствующих специалистов, на основании норм уголовно-процессуального закона, и в связи с установлением необходимости использования специальных знаний, которые могут быть неизвестны широким общественным массам»⁷⁷.

В. Н. Махов проводит разграничение между профессиональными знаниями судьи и правовыми знаниями. В частности, он отмечает: «Профессиональные знания судьи – это правовые знания. Но далеко не все... Было бы неправильным игнорировать углубленные познания юристов, специализирующихся в какой-то узкой сфере правовой деятельности...»⁷⁸.

По мнению Е. Р. Россинской, «в настоящее время судья, следователь, лицо, производящее дознание, лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, как правило, обладают знаниями только в определенных отраслях права и не могут в необходимой степени ориентироваться во всех тонкостях современного обширного законодательства, которое к тому же постоянно изменяется и развивается»⁷⁹.

П. Яни, приходя к заключению о недопустимости использования познаний правоведов для проведения судебной экспертизы, отмечает, что «без участия «глубокого» специалиста в области юриспруденции правоприменителю весьма сложно принять обоснованное решение... И здесь в помощь следователю и судье должны быть призваны такие «глубоко специализированные» сотрудники научных ведомств, а также методических подразделений...»⁸⁰.

С учетом происходящей в науке и практике, с одной стороны, глубокой специализации и дифференциации, с другой – интеграции по горизонтали и вертикали, все чаще возникает потребность в компетентном толковании норм как российского, так и иностранного права, применении аналогии закона или аналогии права.

Любая правовая норма, как таковая, представляет собой абстрактное правило поведения, которое реализуется в актах его применения. Связующим звеном между нормой и ее применением служит понимание нормы, или, иначе, ее толкование.

Техническая сторона толкования норм достаточно подробно разработана в теории права. Способы толкования принято классифицировать по ряду критериев. Применительно к тому,

⁷⁵ Сорокотягин И. Н. Специальные познания в расследовании преступлений. – Свердловск, 1984. – С. 5.

⁷⁶ Шиканов В. И. Проблемы использования специальных знаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... докт. юрид. наук. – М., 1980 – С. 23.

⁷⁷ Зезьянов В. П. Роль, место и значение специальных знаний в криминалистике: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1994. – С. 9.

⁷⁸ Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – М., 2000. – С. 46–47.

⁷⁹ Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал Российского права. – 2001. – № 5. – С. 35.

⁸⁰ Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. – 2001. – № 9. – С. 24.

как и кем осуществляется толкование, различают толкование *аутентичное* (исходящее от органа, издавшего норму), *легальное* (исходящее от органа, наделенного соответствующей компетенцией), *судебное* (исходящее из судебного органа) и *доктринальное*, или компетентное.

Компетентное толкование определяется в науке как разновидность неофициального толкования права и исходит от сведущих в области права лиц, действия которых по разъяснению норм не приобретают силу юридического факта⁸¹.

Компетентное толкование – это разъяснение смысла правовых норм, осуществляемое достаточно осведомленным в какой-либо области человеческой деятельности, а поэтому авторитетным субъектом, не порождающее обязательных формально-юридических последствий⁸².

Основная черта данного вида толкования, по мнению В. В. Лазарева, состоит в том, что оно является результатом научного поиска, характеризуется использованием существующих научных методов, теорий или же дается в процессе разработки и обоснования новой теоретической концепции⁸³.

Чаще всего толкованием конкретных правовых норм занимаются практики (адвокаты, представители сторон по гражданским делам, представители органов власти и управления, судьи). Здесь необходимо отметить следующее. Дело в том, что практический уровень толкования относится к иному уровню толкования права. Доктринальному виду толкования соответствует только теоретический уровень. Разграничителем в этой ситуации между доктринальным и иным компетентным толкованием выступает, по мнению Н. Н. Вопленко, уровень и степень систематизации. Сила же данного толкования заключается в его убедительности и научности, в авторитете тех лиц и органов, которыми оно осуществляется⁸⁴.

Несмотря на отмеченные отличия, важно заметить, что собственно способы толкования являются вторичными; значима конечная цель толкования – уяснение подлинной воли законодателя. Как заметил А. С. Пиголкин, «если мы признаем, что в процессе толкования права необходимо установить волю законодателя, то это означает, что мы должны выяснить не то, что законодатель выразил в нормативном акте, а то, что он хотел выразить»⁸⁵.

Вместе с тем следует учитывать, что любая норма абстрактна, а тот, кто ее применяет, имеет дело с конкретным правоотношением, развивающимся в индивидуально определенных конкретных обстоятельствах. Это имеет принципиальное значение для частного права, модели которого создаются, как правило, по согласованной воле сторон. Не случайно в ГК РФ довольно много «каучуковых норм», требующих соответствующей оценки применительно к конкретным обстоятельствам (справедливость, разумность, добросовестность). Данные категории не определяются законодателем, как, впрочем, и некоторые понятия, термины. Иначе мы не уделяли бы столько внимания уяснению смысла словосочетания «специальные знания». В одних случаях законодатель считает, что их смысл очевиден, в других – выражает волю раздвинуть рамки свободного усмотрения тех, кто применяет норму. Таким образом, появляется возможность субъектам гражданского оборота и суду в необходимых случаях самим индивидуализировать правило, сформулированное в самом общем виде. Во многом данный подход отвечает принципу свободы в гражданском обороте и принципу судейского усмотрения в гражданском процессе. В то же время нельзя отрицать и наличия другой тенденции, характерной для правоприменения – унификации категорий. Доктринальное толкование направлено на унификацию, способствует достижению единообразия, укреплению законности. В конечном итоге, если законодатель не согласен с доктринальным толкованием, содержащимся, в первую

⁸¹ Лазарев В. В. Применение советского права. – Казань, 1972. – С. 90.

⁸² Соцгоро Л. В. Неофициальное толкование норм права. – М., 2000. – С. 42.

⁸³ Лазарев В. В. О роли доктринального толкования // Советская юстиция. – 1969. – № 14. – С. 5.

⁸⁴ Вопленко Н. Н. Следственная деятельность и толкование права. – Волгоград, 1978. – С. 50–51.

⁸⁵ Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., 1962. – С. 21.

очередь, в наиболее распространенных комментариях, он может дать свое разъяснение и/или исправить саму норму, послужившую основанием для искаженного (на взгляд законодателя) толкования.

Роль толкования особенно повышается, когда в юридической практике приходится впервые применять конкретную норму (создать базис прецедента), а также в случае возникновения потребности применить аналогию закона или права.

К аналогии закона и аналогии права прибегают в случаях, которые удовлетворяют признакам гражданских правоотношений, но не урегулированы ни законодательством, ни соглашением сторон, а также отсутствует применимый к ним обычай делового оборота. В отдельных ситуациях может возникнуть проблема «противоречивости права», точнее, противоречивости текстуального представления права.

Следует отметить, что *применение аналогий* – процесс довольно сложный и трудоемкий. Он сводится к следующему: нужно подвергнуть анализу данный случай, отыскать в законодательстве (или добыть из него) норму, регулиющую другой случай, тождественный с данным в существенных элементах, рассмотреть юридический принцип, приведенный в норме, и применить его к данному случаю⁸⁶.

Обязан ли судья все из отмеченных этапов осуществлять самостоятельно, или же им могут быть использованы прямо или косвенно, в той или иной форме знания и навыки сведущих в области права лиц (экспертов или специалистов)? Насколько будут эффективными и состоятельными операции (процедуры) поиска и интерпретации (получения и уяснения) смысла права из соответствующих текстуальных представлений права (законодательства)?

Законодателю важен итог: суд обязан разрешить дело по существу; суд не может не разрешить дела; суд обязан разрешить дело в строгом соответствии с законом, руководствуясь соответствующими принципами. В качестве примера фиксации воли законодателя можно привести следующие фрагменты нормативно-правовых актов: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречивости законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать свое решение на общем смысле законов»⁸⁷; «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму действующих законов, а в случае их неполноты, неясности, недостатка или противоречия, основывать решения на общем смысле законов»⁸⁸.

На наш взгляд, если вопрос о возможности проведения «правовой экспертизы» является дискуссионным (в части определения объекта исследования, круга возможных вопросов?), то вопрос об участии специалиста (как процессуальной фигуры) в области какой-либо отрасли права не может быть отнесен к разряду таковых.

Специалист в области права сообщает справочные, научные сведения, выражает свое мнение. По существу – оказывает помощь суду. Не случайно П. Яни отмечает, что акт доктринального толкования закона сведущим в области права лицом играет важную роль в процессе принятия решения по делу⁸⁹.

Т. Н. Нешатаева пишет, что решение международных вопросов, реализуемых в национально-правовых процедурах, вызывает немалые проблемы: «затягивание процедуры рассмотрения вопроса, необходимость привлечения к процессу переводчиков, экспертов в иностранном праве и многие другие»⁹⁰.

⁸⁶ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М., 2001. – С. 136.

⁸⁷ Статья 12 Устава уголовного судопроизводства. – СПб., 1910.

⁸⁸ Статья 9 Устава гражданского судопроизводства. – СПб., 1915.

⁸⁹ Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. – 2001. – № 9. – С. 24.

⁹⁰ Нешатаева Т. Н. Международный гражданский процесс: Учебное пособие. – М., 2001. – С. 15.

Связано это с тем обстоятельством, что обращение в процессе к национальному праву вместо подлежащего применению зарубежного права может привести к ошибочному судебному решению.

Р. Г. Мельниченко рассматривает юридическую экспертизу как разновидность казуально-доктринального толкования⁹¹. Он отмечает тот факт, что в некоторых видах процесса проведение правовой экспертизы уже стало реальностью. Так, при рассмотрении Конституционным Судом РФ некоторых дел, Суд вправе рассмотреть заключения и показания экспертов в области права. Например, по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации («О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР», «О деятельности КПСС и КП РСФСР») были заслушаны Б. М. Лазарев, А. В. Мицкевич, Ю. П. Еременко⁹². Если возникает потребность у высокопрофессиональной команды юристов, среди которых большинство – это доктора и кандидаты наук⁹³, в привлечении сведущих лиц, то такая потребность для мировых судей и федеральных судей районных (городских) судов становится очевидной.

Возможность производства именно экспертизы по правовым вопросам получила еще одно подтверждение в новейшем российском законодательстве. Согласно ст. 1191 ГК РФ, «в целях установления содержания норм иностранного права суд может обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в Министерство юстиции Российской Федерации и иные компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей либо привлечь экспертов»⁹⁴.

И. Н. Лукьянова считает возможным как экспертизу по правовым вопросам, так и участие специалиста. Она предлагает следующий критерий, отграничивающий экспертизу по правовым вопросам от заключения специалиста по правовым вопросам: специалист не должен решать вопрос о применимости конкретной нормы права к рассматриваемому делу или о том, каким образом эта норма должна применяться в данном случае⁹⁵.

Причем, на наш взгляд, в первой части п. 2 ст. 1197 ГК РФ речь идет о привлечении специалиста – дача разъяснения (при наличии готового знания), во второй части – о привлечении эксперта (с целью получения знания и передачи его суду).

Данным нормам в целом корреспондируют соответствующие положения АПК РФ. Согласно п. 2 ст. 12 действовавшего АПК РФ, «в целях установления существования и содержания норм иностранного права арбитражный суд может в установленном порядке обратиться за содействием и разъяснениями в компетентные органы и организации Российской Федерации и за границей либо привлечь специалистов».

Согласно п. 2 ст. 14 нового АПК РФ, «в целях установления содержания норм иностранного права суд может обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в Министерство юстиции Российской Федерации и иные компетентные органы или организации Российской Федерации и за границей либо привлечь экспертов».

Запрос о получении информации, направленный в компетентные органы (органы юстиции, дипломатические представительства иностранных государств), имеет значение, на наш взгляд, только в части коротких и имеющих простой и однозначный ответ вопросов права, не требующих значительных интеллектуально-волевых усилий сведущих лиц. Поэтому в этих

⁹¹ Мельниченко Р. Г. Юридическая помощь при формировании правосознания // Сборник: Пути развития юридической науки и образования в XXI веке. – Волгоград, 2002. – С. 216.

⁹² Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде. – М., 1998. – С. 202–391.

⁹³ Конституционный Суд Российской Федерации в лицах // Российская юстиция. – 2001. – № 10. – С. 36–40.

⁹⁴ Пункт 2 ст. 1191 ГК РФ // Российская газета. – 28 ноября. – 2001.

⁹⁵ Лукьянова И. Н. Экспертиза в арбитражном процессе // Защита прав граждан и юридических лиц в российском и зарубежном праве (проблемы теории и практики): Сборник статей и тезисов аспирантов и молодых ученых. – М., 2002. – С. 131.

ситуациях не всегда удастся разрешить «проблему» без заключения эксперта. Решение проблемы усугубляется еще и тем, что без знания судебных актов и сложившейся в стране ситуации по применению национальных норм права сообщенные иностранные нормы права «мертвы», могут быть не чем иным, как элементами мозаики, одни из которых, возможно, подходят, другие не нужны.

Использование правовых знаний и приглашение сведущих лиц в области права в суд имеет свою историю, закреплено в ряде зарубежных стран.

Для англосаксонской адвокатской системы характерно разделение на *юрисконсультов и адвокатов (барристеров)*. Юристы занимались и занимаются ведением торговых дел, консультированием сторон. Адвокаты или барристеры занимаются устным докладом дел в судебном процессе, а также юридической экспертизой. Причем, как отметил С. А. Халатов, такое различие уже отмечалось при описании римского, французского и германского права⁹⁶.

В настоящее время в обязанности барристера входят: консультирование сторон; выступление в процессе (суды высокой инстанции); участие в назначении экспертиз; проведение экспертизы по вопросам права⁹⁷.

Для барристеров характерна глубокая специализация по каким-либо узким вопросам. Поэтому нередко к ним обращаются *солиситоры (юрисконсульты)*. Важно также заметить, что барристеры не могут вступать непосредственно в отношения с клиентами в соответствии с правилами профессиональной этики. Если встреча с клиентом и происходит, то при посредничестве и в присутствии солиситора.

Немецкий законодатель допускает назначение экспертизы в случаях отсутствия у суда достаточных знаний в области права (ст. 293 ГПК ФРГ). В этих случаях законодатель считает, что, несмотря на высокую квалификацию и компетентность судьи, тем не менее, всегда могут возникнуть вопросы, которые требуют специальных знаний в праве⁹⁸.

Международный Суд ООН при рассмотрении переданных ему споров вправе использовать в своей практике суждения наиболее квалифицированных специалистов по международному праву⁹⁹.

Можно сделать вывод, что *потребность в глубоких знаниях в какой-либо отрасли права существовала издревле и была удовлетворена*. Способы, подходы к решению данного вопроса, как мы видим, различны: это и непосредственное использование правовых знаний в процессе установления обстоятельств конкретного дела через институт экспертизы, и дуализм представительства, позволяющий вести одно дело двум юристам с учетом категории суда, рассматривающего дело, уровня подготовки и специализации.

Отметим тот факт, что если исключить правовые знания из понятия специальных знаний с этой оговоркой, то получается, что знания юристов-международников существенным образом отличаются от знаний юристов, не специализирующихся по вопросам международного права, либо утрачивается специфика исследуемой категории.

Еще одна проблема возникла в связи с широким использованием законодателем термина «правовой обычай». Советское законодательство в отличие от новейшего знало всего несколько случаев упоминания обычая¹⁰⁰. Суд в новых условиях нередко вынужден руководствоваться не только нормами права, но и обычаями. В то же время возникает теоретическая проблема: кто и каким образом в ходе процесса должен устанавливать содержание обычая? Если исходить из «классических» установок, догм процесса, то обычай должен применяться

⁹⁶ Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2002. – С. 29.

⁹⁷ Там же. – С. 30–31.

⁹⁸ Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии. – М., 2000. – С. 123.

⁹⁹ Кузнецов И. А. Введение в теорию государства и права: Учебное пособие. – Элиста, 2002. – С. 87.

¹⁰⁰ Кодекс торгового мореплавания СССР; Земельный кодекс РСФСР (в редакции 1922 г.).

судом, как правовая норма, следовательно, установление ее существа возложено целиком на суд.

Достижимо ли это? Так, А. И. Поротиков по этому поводу пишет: «Суд не может заранее располагать сведениями об обычаях, с которыми ему придется столкнуться в деле. Ему заведомо не по силам самостоятельно искать нужную информацию о наличии состояния обычной нормы»¹⁰¹. Несмотря на категоричность молодого ученого, проблема существует и имеет определенные процессуальные последствия. В ней проявляется двойственность обычая: наличие нормативных свойств (правило поведения), требующее установления, т. е. процессуальной деятельности, направленной на установление этих свойств (судебное доказывание). Из этого следует необходимость выбора: либо содержание обычая входит в предмет доказывания и его установление должно быть возложено на стороны, либо это является обязанностью суда¹⁰².

В английском процессе установление содержания обычая входит в предмет доказывания, следовательно, могут применяться общепринятые средства доказывания, в том числе и заключение эксперта (лица, обладающего знаниями в определенной отрасли права). В странах континентального права продолжает доминировать принцип «судьи знают право». Поэтому суд вынужден выяснять содержание обычной нормы самостоятельно. Практика же свидетельствует о том, что суды склонны относиться ко всякому обычному правилу поведения как к сложившейся практике сторон и не ставят этот вопрос на обсуждение. В отдельных случаях ограничиваются кодификациями, опубликованными влиятельными организациями (МТП, УНИДРУА).

Действующее законодательство в настоящее время содержит отдельные нормы, касающиеся данной проблемы с учетом возможности использования аналогий. Согласно п. 2 ст. 1191 ГК РФ, с целью установления содержания норм иностранного права, лица, участвующие в деле, могут представлять документы, подтверждающие содержание норм иностранного права, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений, и иным образом содействовать суду в установлении содержания этих норм. Законодатель закрепляет соответствующее право за сторонами с учетом расширения сферы действия принципов диспозитивности и состязательности. Однако обязанность выяснения существа содержания нормы (в том числе и обычного права) возложена законодателем на суд. В то же время применительно к выяснению содержания норм иностранного права по спорам, возникшим между субъектами (сторонами) – профессиональными участниками гражданского оборота (предпринимателями) – законодатель предоставляет суду возможность «переложить» бремя установления содержания такого рода норм на заинтересованные в разрешении спора стороны¹⁰³.

Данное положение свидетельствует о сближении двух правовых систем и выработанных ими правил применительно к исследуемым вопросам.

На наш взгляд, несмотря на различные подходы к имеющейся проблеме, нет непреодолимых препятствий для использования правовых знаний (в качестве специальных), как сторонами (что нередко и делается официальными или неофициальными способами), так и непосредственно судом. В последнем случае требуется дополнительная регламентация возникающих правоотношений.

Рассмотрим следующий пример.

По гражданскому делу была назначена дополнительная судебно-медицинская экспертиза, на разрешение которой был поставлен ряд вопросов (дублирующих вопросы первичной экспертизы). Из «новых» (ранее не ставившихся на разрешение экспертов) вопросов был следующий: что понимают под «медицинским вмешательством»?

¹⁰¹ Поротиков А. И. Проблема применения правового обычая в арбитражном процессе // Защита прав граждан и юридических лиц в российском и зарубежном праве (проблемы теории и практики): Сборник статей и тезисов аспирантов и молодых ученых. – М., 2002. – С. 10.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Пункт 2 ст. 1191 ГК РФ (часть третья) // Российская газета. – 28 ноября. – 2001.

Для ответа на этот вопрос в состав экспертной комиссии был введен сотрудник кафедры судебной медицины с курсом медицинского права Волгоградской медицинской академии.

На основании анализа терминов в их взаимной связи и взаимозависимости было дано следующее определение: медицинское вмешательство – это прямое или опосредованное воздействие на организм человека с целью диагностики, профилактики, лечения заболеваний, а также предотвращения нежелательной беременности, осуществляемое специально подготовленным лицом (врачом, фельдшером, медицинской сестрой, целителем).

Фактически речь шла о потребности суда в уяснении словосочетания «медицинское вмешательство», используемого в ряде норм Основ законодательства об охране здоровья граждан¹⁰⁴. Привлекаемое лицо выступило в качестве лица, обладающего знаниями в области права и давшего необходимое суду толкование понятия, от уяснения смысла которого зависело разрешение дела по существу.

Определенный интерес для нас представляет Положение об аттестации работников на право самостоятельного производства судебной экспертизы в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации. Согласно Положению, право самостоятельного производства судебной экспертизы в СЭУ Министерства юстиции РФ присваивается работникам судебно-экспертных учреждений, имеющим высшее профессиональное образование, прошедшим подготовку по конкретной экспертной специальности в одном из СЭУ Министерства юстиции РФ и обладающим специальными познаниями, необходимыми для производства конкретных родов (видов) судебных экспертиз.

Работник должен знать: действующее законодательство по вопросам судебной экспертизы; ведомственные нормативные акты, регулирующие экспертную деятельность; теоретические основы судебной экспертизы в целом и конкретного ее рода (вида); современные методы и методики производства экспертиз по своей экспертной специальности¹⁰⁵.

Для занятия отдельными видами юридической деятельности (кандидаты в судьи, адвокаты, нотариусы) требуется не только наличие профильного образования, но и наличие у претендента установленного законом стажа работы по специальности, багажа необходимых знаний (успешная сдача экзамена), а в отдельных случаях – стажировка.

Согласно пп. 4 п. 3 ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат вправе «привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи»¹⁰⁶. Закон не содержит запрета на возможность привлечения адвокатом сведущего лица в какой-либо области человеческой деятельности, включая отдельные направления юридической науки. Здесь все определяется практической потребностью адвоката и интересами доверителя.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что специальные знания являются особой разновидностью профессиональных знаний и существенным образом отличаются от обыденных. Так, согласно п. 2 ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей», при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недобросовестной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных знаний о свойствах и характеристиках товара (работы, услуги). Законодатель, таким образом, устанавливает применительно

¹⁰⁴ Статьи 30–34 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан.

¹⁰⁵ Пункт 3 Положения об аттестации работников на право самостоятельного производства судебной экспертизы в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации // Российская газета. – 12 февраля. – 2002.

¹⁰⁶ См. ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 5 июня. – 2002.

к рассматриваемым правоотношениям презумпцию отсутствия у потребителя специальных познаний¹⁰⁷

¹⁰⁷ Комментарий к Закону РФ «О защите прав потребителей»: Постатейные материалы. Образцы документов. – Ростов н/Д., 1997. – С. 40.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.